

сказа Добрыни Ядрейковича, который, возможно, задержался в Царьграде из-за военных действий¹. Автор очерка приводит доводы в доказательство допустимости такого предположения, указывая, что составитель повести использует те же названия достопримечательностей Царьграда, что и Добрыня Ядрейкович в своем „Путешествии“: ипподром называется „подрумье“, Влахерна — „Лахерна“, форум Константина — „Конный торг“. С другой стороны, в очерке подмечено: „Вряд ли однако в Добрыне—Антонии следует предполагать очевидца описанных событий; если бы он сам был в Царьграде во время погрома, то в его описание вошли бы хоть какие-нибудь отголоски несомненно сильного впечатления от разыгравшихся в Царьграде событий. Тщательно отмечая место нахождения каждой достопримечательности города, Добрыня не удержался бы от того, чтобы сообщить об уничтожении многих из них «фрягами» и об увозе их на Запад“. Поэтому вывод в очерке, в конечном счете, таков, что „Добрыня—Антоний со слов очевидца описал осаду и погром с той же обстоятельностью, с какой он за несколько лет до этого описал все богатства и всю пышность царьградских церковных сооружений“².

Коротко говорит о повести Д. С. Лихачев в своем очерке древнерусской литературы, включенном в „Историю культуры древней Руси“.³

Этим в сущности ограничивается, если не считать отдельных примеров из текста повести в работах о языке Новгородской первой летописи П. А. Лавровского, Б. М. Ляпунова и Е. С. Истриной, всё, что сделано до сих пор исследователями по поводу интересующего нас памятника. Был лишь намечен ряд проблем, связанных с изучением повести, однако ни одна из них не исследована сколько-нибудь обстоятельно. Между тем, повесть представляет для нас несомненный и всесторонний интерес как источник по истории Византии, как самобытное произведение древнерусской литературы и, наконец, как памятник древнерусского литературного языка старшего периода. Однако она остается еще настолько неисследованной, что мы не имеем ее критического издания и не можем пока прочитать ее правильный, первоначальный текст. Решению некоторых проблем, связанных с изучением повести, посвящена настоящая статья.

II

Текст повести дошел до нас в ряде списков XIII—XIV столетий, которые можно подразделить в основном на две группы. К первой группе списков следует отнести все списки Новгородской первой летописи, как старшего, так и младшего изводов; ко второй группе — все списки Еллинского летописца 2-й редакции и стоящие в тесной связи с последними: Софийскую первую летопись (списки Карамзина и Оболенского, так называемой 1-й редакции) и зависимые от нее списки Московского летописного свода конца XV века и Воскресенской летописи XVI века.

Первая группа представлена следующими списками повести.

1. Синодальный список Новгородской первой летописи, старшего извода, писанный уставом на пергамене. Повесть занимает листы 64—72 рукописи, следовательно, относится к первой части списка, напи-

¹ В действительности у Карамзина приведенного утверждения мы не находим. Не оказало ли влияние на автора очерка вышеприведенное место из Савваитова (ук. соч., прим. 5)?

² История русской литературы, т. I, ч. 1, стр. 303.

³ История культуры древней Руси, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 199.